

Н. Киселев-Громов

С.Л.О.Н.

СОЛОВЕЦКИЙ ЛЕС ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

Издательство "Тур"
Архангельск
2009

НА КОМАНДИРОВКАХ.

Отправка. В дороге. Заготовка леса. Прокладка дорог.
Слав лева. Открытие лесных разработок.

Заключённые, уже узнавшие, что на командировках дают не 400, а 1000 грамм хлеба, что там меньше начальства и поверки производятся лишь два раза в день, рвутся на командировки. Долго ожидать им этого не приходится. Пока они работают на Поповом острове и кричат: «Раз, два, ВЗЯЛИ. Еееещё, ВЗЯЛИ!» - административная часть Кемперпункта составляет списки отправляемых на «командировки». Опасных каэров отправляют на остров Соловки, на Мяг-остров и на командировки, далеко лежащие от финляндской границы.

Списки готовы. Из штаба Военнизированной охраны 1 отделения СЛОН звонят по телефону в 1 отряд Военнизированной Охраны: «Вышлите надзирателей для приема и отправки на командировки партий заключённых». Первый отряд наряжает конвой из «лучших» чекистов-надзирателей, и они идут принимать партии, предварительно заложив «за галстук» «рыковки».

Отправляемые на командировки партии перед этим из Кемперпункта переводятся на отдельный островок, отстоящий от Кемперпункта в одной четверти километра. Там имеется большой барак, служивший когда-то складочным помещением у рыбопромышленников. В барак заключённых набивают, как сельдей в бочки. Два раза я пробовал туда войти и не смог: как только я открывал дверь барака, струя спёртого, вонючего воздуха дурманила

меня; кроме того, на трёхярусных нарах и на полу барака люди лежали так, что негде было ступить ногою.

- Сегодня мои комвзводы несколькими шакалам набили морду: под нарами оправляются, - не раз докладывали мне.

- Разве здесь нет уборной?

- Уборная-то есть, товарищ уполномоченный, но сами видите, из-под нар невозможно выйти во двор, не пройдёшь.

С раздачей обеда то же... Нет того дня, чтобы комвзводы не набили сотне шакалов морды.

- Чтобы раздать обед, надо шакалов выгнать во двор, ну, а восемьсот шакалов выгнать из барака, да еще на сорокаградусный мороз, сами подумайте, товарищ уполномоченный, нельзя без того, чтобы не бить морды. Ты ему кричишь «вылетай пулей за обедом», а он, шакал, огинаяется, ожидает, пока другие выйдут. Ну, тут и банят их...

В 7-ой роте, в которой тоже концентрируются заключённые перед отправкой на командировки, мне приходилось наблюдать следующее: ротный барак стоит на площади, отгороженной колючей проволокой; в морозное время года десятки заключённых всю ночь напролет безостановочно ходят по ней, потому что для них не хватило места в бараке: там так набито людьми, что пальца нельзя просунуть; оставшиеся на дворе должны все время ходить, чтобы не замерзнуть. Выбившись из сил от ходьбы и холода, не в состоянии противиться сну, они подходят к своим вещам, сложенным тут же на площади, притыкаются к ним головами, и на несколько минут погружаются в сон, холод быстро заставляет их встать и опять метаться по площади.

Отправка партий заключённых на командировки производится всегда ночью. На станции они ожидают по три, по пять часов, пока подадут для них грязные товарные вагоны. Зимой они дрожат, клацают от сорокаградусного мороза зубами, выслушивая чекистскую ругань и приказ «чище держать равнение в четвёрках» и стоять «руки по швам». Когда вагоны поданы, сохранившие силы сами влетают в них «пулей», ослабевших чекисты «подсаживают» прикладами винтовок. В вагоны их набивают по шестьдесят человек и потом наглухо закрывают все люки; двери запирают на замок. В вагоне заключённому ни есть, ни лечь. В пути чекисты-надзиратели не хотят утруждать себя ни предоставлением заключённому возможности оправиться, ни подачей им воды. Повторяются все уже знакомые нам сцены из пути заключённых в СЛОН.

В дороге заключённому полагается 300 грамм хлеба и три солёных воблы. Но это только «полагается». Фактически

заключенный получает не более 200 грамм хлеба и двух вобл. Недоданное чекисты на станциях Мурманской железной дороги продают голодающим карелам, а на вырученные деньги покупают себе «рыковку».

Приехали на последнюю станцию, высадились, произвели проверку.

- Партия! ~ орёт старший по конвою заключённым, стоящим в строю. - Предупреждаю, шаг вправо, шаг влево, - будет применено оружие!.. Партия! За передними конвоирами шагом МАРРШ!

Партия идёт дремучим карельским лесом, летом съедаемая миллиардами комаров и тучами мошкары среди бесчисленных болот, а зимою, то есть, в течение большей части года, - по пояс в снегу. Выворачивая из снега обутые в лапти ноги, идут пять, десять, двадцать и даже до тридцати километров.* Наступает ночь.

- Партия, СТОООЙ! - кричит старший по конвою с небольших саней, на которых его и, попеременно, всех конвоирующих чекистов везут на себе заключённые. Партия остановилась.

- Разводи костры, разгребай снег, устраивайся на ночёвку.

Для чекистов заключённые раскидывают походную палатку, которую они, как и самих чекистов, везли на санях; ставят в неё железную печку, готовят для чекистов кушанье. Сами же греют себе, у кого есть чайники, и пьют кипяток с 200 граммами чёрного хлеба (если только он у них остался). Потом, согнувшись в три погибели и подложив под голову грязный кулак, заключённые кое-как проводят ночь у костров, всё время добывая из под снега сушняк, поддерживая им огонь и своих костров, и в печке чекистов. А утром опять: «Становись по четвёркам! Справа, по порядку номеров, рассчитайсь...». И опять - дорога, глубокие снега, сани конвойных чекистов и в них вместо лошадей - заключённые.

Наконец, тяжёлое странствование по глубокому снегу окончилось, Партия на командировке.

- Чище разберись в четвёрках. Партия, слушай мою команду: справа, по порядку номеров, рассчитайсь! - командует старший чекист.

- Первый! Второй! Третий! Четвертый! Пятый!..

- Отставить! Разучились рассчитывать? Рассчитаться так, чтобы у дежурного по командировке стёкла в окнах дребезжали!

** Лесные командировки расположены по сторонам Мурманской железной дороги на расстоянии от 10 и до 150 (например, Бабдачинские).*

К прибывшей партии выходит дежурный по командировке.

- Здорово, шакалы!

- Здрррааа!

- Справа, по порядку номеров, рассчитайсь! - командует приведший заключённых на командировку старший по конвою.

- Первый! Второй! Третий! Формальности сдачи и приёма окончены. Все чекисты пошли отдыхать, обмениваться новостями и слушать радио. Оно у чекистов - но не у заключённых! - имеется почти на всех командировках. Как оно приобретается - узнаем дальше... Партия стоит. Она ждёт новых распоряжений. У каждого уже живот прирос к спине. Вши высасывают последнюю кровь. Ноги ноют и едва-едва держат измученное тело. Дежурный по командировке даёт в чекистском домике старосте командировки распоряжения:

- Староста, новых шакалов взять в оборот. Займись-ка с ними строем!

Староста - служака на «большой палец». Староста, наверное, не одному уже советскому «гражданину» оторвал голову до того, как прибыл в СЛОН; староста исполнит все, что ему прикажут... А, может быть, староста и «рад был бы», но... что он может поделывать? Староста не хочет «загнаться» в лесу: он хочет жить, как бы жизнь ни была тяжела. А для этого он должен выполнять всё то, что ему прикажут его хозяева... Занявшись с полчаса строем с новыми «шакалами», староста командировки, «на ять» усвоивший все соловецкие термины, не менее зычным голосом, чем его хозяева-чекисты, распоряжается:

- Влетай в барак пульей!

В бараке заключённые встречаются с непосредственными новыми начальниками - с дневальными. Дневальные - это бывшие мелкие «сексоты» ОГПУ до заключения, а теперь - «осведомители» ИСО и чекистов-надзирателей. Они один из тех многих винтиков сложного СЛОНовского механизма, без которого надзирателям трудно было бы выполнять СЛОНовские лесозаготовительные и иные программы. Ежедневно дневальные «стучат» (доносят) чекистам на заключённых и правду, и неправду.

Хочется, чтобы читатель яснее почувствовал всю тяжесть пути заключённых от станции до командировки. Расскажу поэтому один из памятных мне эпизодов.

В ноябре 1929 года из Первого отделения СЛОН было направлено на командировку «Великий остров» двести человек заключённых. Партию сопровождали четыре чекиста-надзирателя со старшим по конвою Леоновым Петром. Вот, что рассказывал

Леонов в ИСО по возвращении из командировки:

- До станции Пояконда (Мурманской железной дороги) «шакалов» довёз благополучно. На Пояконде высадил, накормил на командировке пшеном и через полчаса погнал на «Великий остров». До деревни Чёрная Речка все шакалы, кроме троих, дошли благополучно. Трое в рот йодом мазанных каэров ослабели и стали отставать от партии. Но я, всё-таки, догнал их до Чёрной Речки. Но когда погнал партию от Чёрной Речки дальше, тут началась мне с ними беда; то один, то другой шакал стали отставать от партии. Упадёт, паразит, на землю и плачет. «Не могу, - говорит, - гражданин начальник, идти, ей-богу, не могу, сил нет... Из Ленинграда, гражданин начальник, нас отправили - дали в тюрьме по куску хлеба, ей-богу, не больше килограмма, и по четыре воблы...» Говорит, а сам плачет: «Трое суток мы ехали до Попова острова, два раза дали только воды... Гражданин начальник, клянусь детьми: ей-богу, не могу идти, хоть убейте!» - и плачет, паразит. Я и так, и сяк с ним: «Скоро, - говорю, - дойдем до командировки». А он, паразит: «Убейте, - говорит, - лучше меня, гражданин начальник! Не могу идти...»

- Думал-думал я, что мне с ними делать, и решил: взял одиннадцать человек каэров и одного попа и заставил их нести этих паразитов - два человека за руки, а два за ноги. Взяли и понесли. Прошел я от «Чёрной Речки» пять километров, а всего, значит, от Пояконды пятнадцать, и новое дело. Уже не трое шакалов, а целых семь попадали и плачут: «Гражданин конвоир, хоть убейте, не можем идти, нет сил, отощали»... Я заставил и этих нести... Кругом лес, идем по колено в снегу; дороги, как следует, я не знаю; наступила ночь - на три метра ничего впереди не видно... Слышу, мои шакалы начинают плакать. Бросают свое барахло, сундуки, котелки; снимают с себя верхнюю одежду и тоже бросают по дороге. Ослабели. Что, думаю, делать?.. Взял и остановил всю партию. «Партия, стой!» - кричу, а сам не знаю, где у меня передние: партия растянулась чуть не на километр. Остановил, стянул всех в кучу. «Ну, - говорю, - отдохайте, разводите костры». Развели мои шакалы костры, погрелись, отдохнули, попили кипятку и через час опять двинулись в путь. Не прошли и пяти километров, как трое шакалов опять упали на землю. «Не можем, - говорят, - идти, гражданин конвоир; лучше убейте, дальше идти не можем»... Попробовал я гнать их прикладом - ничего не выходит. Произвел над их головами четыре выстрела из винтовки - не помогает. Лежат, паразиты, и просят: «Убейте лучше, гражданин начальник, дальше идти не можем». «Оставайтесь, -

говорю, - загинаться в лесу», - и повел других. Всю ночь шёл с шакалами, только к утру дошли до «Великого острова». Переправил на лодках всех шакалов, отдохнул и на другой день пошёл за теми тремя паразитами, что остались в лесу. Долго я их искал, наконец, нашёл. Один шакал снял лапти и залез в копну сена. Двое других, видно, развели костер, постелили под себя еловые ветки и уснули. Костер потух, и они ооченели... А тот шакал, который залез в копну сена, остался жив. Я вызвал с «Великого острова» лодку, посадил его, и доставил на командировку Пояконда.

- Товарищ Рощупкин, как мне теперь поступить? Написать вам рапорт о том, что эти два шакала загнулись? - спросил Леонов помощника начальника ИСО... Рапорт был написан. Рощупкин, в свою очередь, настроил рапорт начальнику лагерей: «Прошу, - писал он, - вынести в приказе по СЛОНу благодарность стрелку Леонову Петру за проявленную энергичность и инициативу во время сопровождения партии заключённых на командировку «Великий остров»... Прошло дня два, и в приказе по СЛОНу была объявлена Леонову благодарность с выдачей ему 10 рублей награды.

Приказы с благодарностями за «проявленную энергичность и инициативу» читаются всем чекистам-надзирателям. О таких подвигах потом пишут и в чекистских стенных газетах, и в ежемесячных журналах, издающихся при каждом отряде Военнизированной Охраны: в них Леоновы расхваливаются и превозносятся до небес. А чекисты-надзиратели уясняют себе «целевую установку» ОГПУ по отношению к заключённым СЛОНа: не щадить шакалов, потому что спецотдел пришлёт их сколько угодно, а заботиться прежде всего о том, чтобы заключённые как можно скорее прибывали на место работ.

В дремучем карельском лесу, летом окруженные сплошными болотами, а зимой обледенелые и занесённые сугробами снега, стоят два-три барака для заключённых, небольшой деревянный домик для чекистов-надзирателей и, непременно приложение, - «крикушник».*

Бараки сделаны из сырых тонких брёвен, между которыми положена моховая прокладка, и на полметра сидят в земле. Плоская крыша из тонких сырых жердей покрыта еловыми ветвями. Пол земляной. В бараке два яруса нар из тонких жердочек. Зимой, от тепла в бараке, снег на крыше тает, и

*Крикушник - это карцер.

заключённых, спящих на верхних нарах, мочат капли воды, протекающие сквозь щели между жердями.

В бараке на четыреста-пятьсот человек три-четыре маленьких тусклых окошечка и две небольшие железные печки, которые зимой топят всю ночь. Никаких столов и приспособлений для сиденья в бараке нет. Кружки, ложки, чайники, сундучки с тряпками - все это лежит там же, где заключённый спит: или под головой, или, если есть место, на гвоздях на стене, над его головой. Грязь, невероятная вонь, вши, клопы, холод... Вонь в бараках так сильна, что чекисты-надзиратели никогда в барак не заходят. В бараке горит не более двух маленьких лампочек. Стёкол к ним на командировках обычно нет, и лампочки горят без стёкол. Дневальные то и дело выкручивают фитиль - иначе огонь тухнет. Когда заключённый утром встает, у него в носу копать, как в дымовой трубе. Чтобы умыться, надо взять свою кружку, идти во двор и там где-нибудь на пне умыться изо рта. Мыло заключённый должен иметь собственное, так как СЛОН его не выдаёт. Не выдаются и постельные принадлежности; заключённые спят в одежде, настелив на нары еловых ветвей. Во сне их холодит пробивающийся в щели стен ледяной полярный ветер, вши немилосердно едят их измученные в работе тела. Пробуждаясь от холода, они соскакивают с нар, бегут к топящейся железной печке, немного греются и опять идут «спать»...

Если заключённому ночью понадобится выйти оправиться, он должен прежде всего попросить для того разрешения у дневального, а тот доложит об этом стоящему на часах у дверей барака чекисту-надзирателю. Потом он должен обязательно раздеться до белья, и только тогда он может выйти на трескучий мороз и побежать в лес. Раздеваться его заставляют в предупреждение побега.

Так проходит ночь. А на утро он сквозь сон слышит зычное дневальское: «Вылетай пулей на работу! Что? Отдельного приглашения ждешь? За дрыном соскучился?»... Заключённый вылетает «пулей» из барака, умывается снегом, хватает свой грязный котелок и бежит стать в очередь за пшеном.

Поев на нарах с колен СЛОНовского пшена и выпив кружку горячей воды, заключённый становится в строй. Выстроившихся сначала дрессирует командир роты, затем он идет к дежурному по командировке чекисту и докладывает, что строй готов. Вот идёт к строю хозяин командировки.

- Командиррровка, смирррно! Равнение на серединуу, - командует комроты.

- Здорово, шакалы.
- Здрррааа.

Командир роты подлетает к чекисту с рапортом о численном составе строя.

- К рррразвоооодууу, - даёт распоряжение дежурный чекист-надзиратель после рапорта командира роты. К заключённым подходят десятники, и каждый из них берёт в лес своих заключённых.

Десятники - уголовный элемент, главным образом - убийцы. Ссылая их в СЛОН, спецотдел пишет Управлению СЛОНА: «Использовать в качестве десятника». Десятники не хуже чекистов-надзирателей знают дело строя и своих заключённых строят в «четвёрки». Они также командуют: «Чище разберись в четвёрках! Справа по порядку номеров рассчитайсь».

К построеным десятниками заключённым выходят чекисты-надзиратели, чтобы конвоировать партию лесорубов в лес. Эти, в свою очередь, начинают: «Справа, по порядку номеров, рассчитайсь. Первая четвёрка, три шага вперед, шагом маррррш», - и так далее. А потом старое, издёргавшее заключённым все нервы: «Шаг вправо, шаг влево, будет применено оружие». И, наконец: «Партия, на работу в лес, шагом МАРППШ».

На работу заключённые идут до 10 километров. И чем дольше они работают, тем дальше и дальше им приходится ходить: вырубая лес, они с каждым днем отодвигаются от места расположения командировки.

В лес заключённые приходят совершенно затемно. Десятники выдают им спички: ими они просвечивают сосны, чтобы узнать, есть ли на сосне клеймо и можно ли рубить ее. Снегу по пояс, и заключённый должен вытоптать вокруг дерева снег. Тридцать пять деревьев он должен срубить, обрубить с них сучья и окорить.* А после работы, возвращаясь на командировку, он должен пройти пять-десять километров.

Срубить и очистить 35 деревьев - это только основной урок заключённого. Кроме этого у него есть еще много видов добавочной работы, о чем скажу дальше. Сейчас укажу только на добавочную работу, которую здоровые заключённые должны выполнять за своих заболевших или обессиленных товарищей до тех пор, пока на их место не будут присланы новые. По директиве санитарного отдела УСЛОНа лекпомы** на

*Очистить от коры.

**Лекарские помощники.

командировках «законно» могут признать больными не больше 2 % всего списочного состава заключённых данной командировки. Если на командировке окажется больных, скажем, три процента (больными признаются только те, кто имеет повышенную температуру, иначе он «симулянт» и «филон»), то урок этих «излишних» больных должны выполнять остальные. Таков приказ УСЛОНа. СЛОНовские чекисты-надзиратели добиваются его выполнения полностью.

Каторжная работа доводит заключённых до того, что он кладёт на пень левую руку, а правой отрубает топором пальцы, а то и всю кисть. Таких саморубов надзиратели «банят» что есть сил прикладами винтовок, потом отправляют к лепкому на командировку. При этом чекист-надзиратель дает ему «пропуск»: он берёт толстое, пуда в два весом, полено и на нем пишет: «Предъявитель сего «филон», «паразит симулянтович», направляется мною в командировку для перевязки отрубленной топором руки. После перевязки прошу направить его обратно в лес для окончания урока». Саморуб идет с таким пропуском километры. На командировке дежурный чекист снова «банит» его, потом пошлёт к лепкому; тот помажет йодом порубленное место, перевяжет бинтом из плохо выстиранных рваных рубашек, полных гнид, и направит в распоряжение дежурного по командировке; этот наряжает дневального, который ведет саморуба обратно в лес, на работу. «Ты думаешь, шакал, мы тебе не найдем работы? Не можешь рубить, так будешь пилить. Для этого одной руки тебе хватит», - говорят чекисты-надзиратели и десятники. И саморуб пилит. Пилит одной рукой, пилит каждый день, пилит до тех пор, пока или от заражения крови умрет, или попросит товарища отрубить ему кисть и правой руки... Если он после этого, уже не работая, выживет, то весной его отправят на Конд-остров, а там уже конец ему. С Конд-острова никто живым не возвращается.

В отношении саморубов в СЛОНе есть специальный приказ: «Саморубов от работы не освобождать и требовать выполнения урока». Приказ подписан начальником СЛОНа Ноггевым, а такая же директива была получена из спецотдела при коллегии ОГПУ за подписью Глеба Бокия, начальника Спецотдела. Иначе нельзя! Не будь в СЛОНе таких жестоких мер в отношении саморубов - все заключенные будут рубить себе пальцы и кисти рук. Кто же тогда будет выполнять УСЛОНовские лесозаготовительные программы? Что тогда получилось бы с пятилеткой? Разве можно было выполнять ее в четыре года? Как большевики пополнят тогда недобор в иностранной валюте?

Многие заключённые, видя, что саморубство спасти их не может, а в перспективе - неминуемая смерть с предварительными долгими страданиями, поступают решительнее. Они вешаются на обледенелых деревьях или ложатся под подрубленную сосну в тот момент, когда она падает - тогда их страдания оканчиваются наверняка.

Сплошь и рядом случается, что заключённый, проработав часов 10 и вымотав все силы, заявляет десятнику и чекисту-надзирателю, что он не в состоянии выполнить урока. Тогда его бьют. Если это не помогает, и чекист убеждается, что он действительно выполнить урока не может, остаток урока такого заключённого переносится на всех работающих, а виновник ставится на высокий пень и обязывается кричать «я филон! я филон! я паразит советской власти!»! Эту фразу он у одних чекистов кричит пятьсот раз, у других - больше. Ванька Потапов (о нём мы услышим впоследствии) заставлял кричать до 5 тысяч раз! Кричит заключённый, а сам плачет. Когда заключённый, прокричав «я филон» менее урока, вместо пятисот раз только триста, замолкает, чекист-надзиратель, поджаривающий что-нибудь себе у костра или пьющий чай, орет: «Ты что же, филон! И тут начинаешь «филонить»!.. Что же ты думаешь, я не считаю?»

На пенёк становятся только лишь те «филоны», которые, заявляя, что не могут выполнить урока, плачут. Есть другие: вымотав на работе все силы, они не плачут и не просят застрелить их, а категорически заявляют, что у них уже нет больше сил. С ними чекисты поступают суровой. Шаблонных мер борьбы с ними нет, и каждый чекист руководствуется собственной изобретательностью. Расскажу о наиболее частых. Первый, он же, как правило, первоочередной - «дрыновка»: чекист «банит» изо всех сил прикладом винтовки, а десятники «дрыном». Второй - занятие военным строем: «Становись! Каблуки вместе, носки врозь! Грудь вперед! Голову выше! Слушай мою команду: направо! Налево! Крррууугом! На месте, бегом МАПРРШ!»! Третий прием - «ходьба по восьмёрке»: чекист-надзиратель приказывает десятнику пройти с километр по снегу так, чтобы получилась цифра 8, по этой восьмерке филон должен потом ходить до окончания всеми заключёнными их работы. Четвертый прием - раздевание: заключённому приказывают раздеться и стоять, прислонившись носом к сосне, причём зимой ствол сосны иногда поливается водой, и нос примерзает к дереву. Пятый - «стойка на комарах»: заключённый раздевается и привязывается к дереву так, чтобы

своими движениями не мог сгонять сосущих его кровь комаров. Шестой - ходьба по лесу с просунутой в рукава бушлата длинной палкой. С заключённого десятник снимает бушлат, продевает в рукава длинную, метра в четыре, палку, надевает потом этот распятый бушлат на заключённого так, что палка проходит позади шеи, застёгивает бушлат и подпоясывает его поясом. Распятый таким образом на палке заключённый должен ходить по лесу. Палка, задевая за деревья, мешает ему ходить, и он должен, то и дело, поворачиваться и проходить между деревьями боком. А урок «этих паразитов советской власти» всё-таки выполняется: его делают те, кто еще на ногах.

Уже совсем темно. Энергичными мерами надзирателей и десятников работа выполнена полностью. Начинается опять: «Первая четвёрка! Три шага вперед, МАРРРШ! Вторая! Третья!..» Поверка окончилась. Все налицо. Чекист-надзиратель командует: «Партия! На командировку, шагом, МАРРРШ!» Партия пошла. Впереди ее идут те, кто «филонил» на работе. Этап подходит к командировке. За полкилометра от неё чекист командует: «Партия, начинай песню!»

Вот заключённые на командировке. Они стоят в строю и ожидают дежурного. Он должен принять прибывшую с работы партию заключённых. Минут через 5-10 из помещения для надзирателей показывается жирная, красная морда дежурного. Опять начинается:

- Первая четвёрка, три шага вперед, шагом МАРРРШ! Вторая! Третья. Четвертая!..

Поверка окончилась. Заключённые пошли в барак.

- Вылетай за обедом! - кричат дневальные.

За получением обеда все стоят в очереди. Обед выдается из окошечка маленького и невероятно грязного сарайчика. Стоит заключённый и, ожидая пока придет староста командировки и раздаст талоны на обед (чтобы заключённый не мог получить его два раза), спит стоя, прислонясь к стене кухни. Сзади стоящие тоже спят, положив головы на спины передних.

«Шакалы» пообедали. «Вылетай пулей на проверку!» - орут после обеда дневальные. Измученные дневной работой заключённые должны еще не менее получаса стоять на поверке. Опять: «Справа, по порядку номеров, рассчитайсь!». Опять «отставить», опять «командировка, смирно», опять «ЗДРРРААА» - одним словом, все то, что было утром; а утром опять будет все то, что было вечером.

Так вечер проходит только у тех заключённых, которые

окончили свой урок. Иначе проходит он у «филонов»: их, как только они придут на командировку, дежурный, во-первых, «побанит», а потом посадит на ночь в «крикушник». В «крикушнике» он получит только 300 грамм хлеба и жидкий пшённый суп. Утром, он выйдет опять в лес и там может повториться та же история...

В «красной» Карелии есть организация, называемая «Карелжелдортранс» - Карельское железнодорожное транспортное строительство. СЛОН, по директиве из Москвы, заключает с этой организацией договоры на постройку военно-стратегического значения дорог вдоль финляндской границы. В момент моего ухода за границу (во второй половине июня 1930 г.) строился 65-километровый тракт от станции Лоухи Мурманской железной дороги до станции Кестеньга, что в пограничной зоне русско-финской границы. Тракт этот предполагалось строить и дальше: от Кестеньги через Кокосальму и Лайдасальму до Огдлангансу... Кемь-Ухтинский и Парандовский тракты построены уже давно. На прокладке первого из них погибли тысячи заключённых. Зато он на протяжении всех своих 300 километров вышел хорош: по нему в настоящее время бегают автомобили,

Взглянем на эти командировки по постройке трактов:

Зимой все заключённые СЛОНа работают на лесозаготовках. С наступлением весны, когда рубка деревьев в лесу прекращается, на лесозаготовках остаются только занятые сплавом леса, погрузочно-разгрузочными работами и обделкой древесины на лесопильных заводах. Все остальные с лесозаготовок направляются на постройку трактов.

Лесозаготовительная командировка, при всех ее ужасах, хоть стоит на твердом основании, ибо болотистая почва крепко замерзает. Командировки по постройке трактов стоят на сплошных болотах.

Барак заключённых построен на зыбкой болотной трясине. Пол барака при ходьбе по нему качается под ногами, а сквозь щели брёвен при каждом шаге, как из-под пресса, лезет жидкая болотная грязь. В остальном барак ничем не отличается от барака на лесозаготовительной командировке.

Работа по постройке трактов такова, что определенного урока задать невозможно и заключённые работают без всякой нормы, просто по усмотрению десятников и надзирателей. Фактически работают по 15-16 часов в сутки. Белые летние ночи севера дают возможность работать и круглые сутки: одни кончают, другие начинают.

Работы заключаются в осушке болот, прокладке по ним гати, устройстве по обеим сторонам дороги канав, доставке и утрамбовке песка и щебня и так далее. Делая на осушаемом участке канавы для стока воды, заключённый работает по колено, а то и по пояс в болоте. Он почти никогда не бывает сухим. Если зимою, на лесозаготовительной командировке, он мёрзнет на сорокаградусном морозе, отмораживает себе руки и ноги, то летом, на постройке трактов, его ожидает другая мука: его съедают кучи комаров и мошкар. Никаких «накомарников», совершенно необходимых в том климате, СЛОН никогда заключённым не выдает. Работая, заключённый то и дело сгоняет ил и стирает с лица, шеи и головы рукавом то правой, то левой руки немилосердно кусающих его насекомых. К концу работы лицо его делается страшным; оно все распухло, покрыто ранками и кровью раздавленных на нем комаров.

«Стойка на комарах» - здесь излюбленный чекистами способ наказания. «Филон» раздевается донага, привязывается к дереву, и так оставляется на несколько часов. Комары облепляют его толстым слоем. «Симулянт» кричит, пока не впадает в обморок. Тогда одни надзиратели приказывают другим заключённым обливать обморочного водой, а другие просто не обращают на него внимания до истечения срока наказания...

Из глубины Карельских лесов заключённые СЛОНа сплавляют бревна по рекам и озерам. Одни из них заняты непосредственно сплавом, а другие - подсобными работами; они взрывают динамитом подводные камни бурных карельских речек, загромождающих русло и мешающих сплаву. Сплав и взрывание камней производятся самым первобытным способом. Множество заключённых поэтому погибает: одни в бури тонут на плотках, других убивают разлетающиеся при взрывах камни... По характеру работ эти заключённые должны постоянно переходить с места на место. Они спят просто в лесу у костров. Пища им выдается в сухом виде. Получая ее на руки, сразу дней на пять, голодный заключённый съедает ее в три дня, а потом голодает и питается, в лучшем случае, черникой.

Открытие новых командировок. Леса в Карелии, Мурманском крае и Архангельской губе сколько угодно; запас «каэров» и «социально-опасных» у ОГПУ неограниченный, бесплатных работников у советской власти, значит, достаточно. Лесозаготовительные и другие работы расширяются, поэтому, с каждой неделей; открываются все новые и новые командировки. Теперь их, вероятно, больше тысячи.

Заключённые, попадающие на уже действующие командировки, во много раз «счастливее» тех, которых гонят в лес для открытия новых. Приходящие на действующие командировки находят там готовый ночлег. На вновь открываемых командировках приходится спать под открытым небом, у костров. Сами чекисты живут в раскинутых для них палатках, а заключённые тем временем строят для них домик, материал для которого они привозят со станции на себе. Когда домик для надзирателей готов, строится карцер и только потом - барак для заключённых. Пока одни заключённые занимаются постройкой командировки, другие выполняют уроки (и собственные, и товарищей, занятых постройкой барак). Если кто-нибудь из заключённых заболит на устраиваемой командировке, он должен погибать: лежать он может только у костра, а леком на командировку приходит только тогда, когда она уже выстроена. Эта смерть никого не беспокоит. От надзирателей Управления СЛОНа требуется только выполнение лесозаготовительной программы, и «издержками производства» в виде человеческих жизней оно интересуется лишь постольку, поскольку надо внести перемены в списки СЛОНовских заключённых.